

ПУТЬ В ДАМАСК

Рассказ

Море осталось внизу.

Узкая пыльная дорога вьется вокруг лысой горы, нависая над сияющей бездной. Слева тянутся скалы, облитые малиновым сиропом закатного солнца. Полукруглые глиняные домики лепятся к широкому подножию, но за разноцветными, распахнутыми настежь дверьми темнеет пустота. Зеленые и черные ящерицы неподвижно сидят в трещинах камней, провожая желтую машину равнодушными, мертвыми глазами. В выжженной траве надрывно стрекочут цикады. Из-под брошенных грузовиков и танков разит вонью разлагающихся останков. Всюду, куда хватает глаз, — ни единого человека, ни одной домашней собаки.

Пустота и безмолвие.

Вера переключила рычаг на пятую скорость, и старенькая желтая «пежо», приподняв крошечную мордочку, въехала в неровный круг смотровой площадки.

Внизу, в бездне, сверкало солнечными бликами море. Кривые скалы нежно обступали его. А за скалами, отделяющими море от пустыни, вилась белой нитью дорога на Дамаск. Отсюда, с горы Корнет-эс-Сауда, мир внизу разделялся на две половины: позади, в пустыне, гнили брошенные грузовики и танки, чернели пустые человеческие жилища, а впереди, по дороге в Дамаск, зеленели веселыми заплатками между обгоревшими многоэтажками молодые виноградники, оливковые деревья с тонкими серебристыми листочками, чинары, пальмы и кипарисы. Позади еще царила разруха, а впереди уже пробуждалась к жизни, стяхивая оцепенение войны, прекрасная, как восточная женщина, Сирия.

Вера вышла из машины и, осторожно ступая по пыли, подошла к самому краю бездны, похлопала себя по джинсам и куртке, достала телефон из заднего кармана и сделала несколько фоток. Сзади послышался странный шепелявый звук. Вера стремительно обернулась.

Машина, пятясь, скатывалась вниз.

— Нет, нет... Нет! — судорожно крикнула Вера и, отбросив телефон, кинулась следом. — Господи, нет, стой!

Но машина, не встречая препятствия, набирала скорость и через несколько секунд скрылась за поворотом. Раздался хлопок и металлический, неприятный скрежет. Вера лихорадочно мчалась по склону, не разбирая дороги, спотыкаясь о камни, рискуя полететь кубарем в своих тонких, на шпильках, босоножках; повернула за скалу и закричала.

Машина задом влетела в дерево. Дверь покорежило, багажник сплющило, а переднее колесо, пробитое камнем, выпустило воздух и осело.

Анна Николаевна Гурина родилась в 1986 году. Прозаик, сценарист. Окончила Санкт-Петербургскую академию театрального искусства (2010) и Всероссийский государственный институт кинематографии (ВГИК) им. С. А. Герасимова. Автор сборника повестей и рассказов «Обратная сторона игры». Живет в Москве.

— Скрипка!!! — дико закричала Вера, нервно пытаясь открыть багажник.

Это было невозможно. Машина стояла под углом, прочно засев в дерево, и сдвинуть ее было невозможно даже силачу. Вера влетела за руль и, подняв облако мучнистой пыли, судорожно вырвалась на дорогу. Но от натуги колпак на колесе отлетел в сторону, а диск с печальным звоном блеснул на солнце и замер. Вера дернула ручник, поддев пальцами искореженный багажник, пихнула его вверх.

Внутри лежал футляр скрипки. Между двумя замками, над ручкой темнела впадина. Вера съежилась и открыла крышку.

Скрипка была жива. На нежной и гладкой деке не было ни единой царапины. Горделиво поднималась из корпуса темная стать лебединой шеи, от львиной головки расходились четыре круглых матовых колка. Вера провела смычком по струнам — звук был безупречно глубоким, как под сводами концертного зала. Она с облегчением выдохнула, положила скрипку обратно и поднялась на смотровую площадку за брошенным телефоном. Но телефон от удара покрылся паутиной трещин и был бесполезен.

Вера без сил опустила на камень.

— Класс. Все беды в гости к нам.

А ведь она могла бы сейчас быть в Дамаске! Могла бы, если бы не глупость! Воображение рисовало ей несбыточные картины сегодняшнего вечера: гостиница, куда уже, должно быть, заселился их оркестр, безликий номер в гостинице, душ, кровать. Ужин вдвоем на тихой улице... Она мысленно отмечала все это, как автомат, который щелкает, когда в него опустят монету, но не говорила ни слова, только застыв на камне и обхватив колени руками, глядела куда-то в пространство. Затем резко встала, вытерла слезы и провела указательным пальцем под носом туда-сюда, как делают дети, вытирая сопли.

— Пошли, дура, найдем кого-нибудь.

На землю медленно спускалась тьма. В неровных уступах скал залегли густые тени и, увеличиваясь от уходящего солнца, срывались вниз, загромаждая дорогу. Вера с трудом передвигала ноги, ремешки босоножек терли покрытую пылью кожу, колени ныли от недавнего бега в неудобной обуви. Невыносимо хотелось пить. Она села на корточки, прижалась спиной к скале и заплакала.

Как банально, как глупо закончился ее роман со звездой первой величины! Так обычно случается в дешевых сериалах или в бульварных книжках. Она случайно вошла в комнату и застала своего любовника с другой. Крики, слезы, ссора, хлесткий звук пощечины. Мучительно разболелась голова. Сердце стучало с перерывами. Она выскочила на ресепшен и сделала первое, что пришло на ум: оплатила аренду единственной свободной «пежо». В Сирию она поедет сама, только не с ним! Ни секунды рядом с ним! Он широким шагом подошел к машине и заколотил в стекло. «Вера! Заканчивай истерику! Куда ты поедешь на этой игрушечной машинке? Там боевики!» Она завела мотор, опустила стекло и сказала равнодушно и спокойно: «Встретимся в Дамаске. Я успею на концерт». Нажала на газ и уехала.

Какая же она дура! Ну зачем она сюда поехала? Чтобы он поволновался? Да ему плевать на всех, кроме себя! Какой парадокс — хотела наказать его, а в итоге пострадала сама. Ну и ну.

Вера встала.

Солнце быстро угасало; теперь оно казалось только небольшой звездочкой, но вот Вера завернула за скалу, прошла по дороге еще несколько метров, и солнце погасло, как последняя искра костра

Боже, как темно! Как страшно! Луна выглядывала из-за черных деревьев и бросала на дорогу седые пятна. Нигде ни шороха, ни звука. Только угрюмые островерхие скалы, поросшие чахлыми деревьями, одно из них, обугленное, упало на дорогу и умо-

ляюще тянуло к Вере скрюченные ветки. Пахло пылью, сожженной резиной; ветер доносил едва уловимый, страшный и сладкий трупный запах. Впереди тьма и бесконечная, страшная дорога. Вдруг... Боже, что это? Мелькнули за выступом скалы яркие желтые окна! Крошечная деревенька прилепилась к горам. Господи! Она дошла!

Вера заколотила в первый каменный дом. Зеленые ворота медленно распахнулись, выпустив на темную дорогу желтый прямоугольник света. На пороге стоял мальчик в безразмерных мужских шароварах, стянутых на поясе грязной веревкой. Он вежливо поздоровался на английском и впустил ее. В каменном дворе рос старый, разохшийся платан, а рядом стоял деревянный некрашенный стол, за ним сидел седой старик, погруженный в раздумье. Увидев Веру, он встал и протянул коричневую, словно покрытую трещинами морщин, руку. Почтительно поздоровался.

Вера накинула на голову капюшон и сбивчиво заговорила на английском. Можно ли взять у него машину до Дамаска? Она забыла поставить свою на ручник на горе, и та разбилась о дерево. Видя, что старик и мальчик нерешительно смотрят друг на друга, Вера стиснула руки и заговорила с удвоенным жаром: она скрипачка, русская скрипачка и завтра, впервые после войны, в опере Дамаска играет симфонический оркестр, где она первая скрипка! Если опоздает на репетицию к восьми утра, ее заменят, а на афишах она, и везде она, и с нее потребуют неустойку! Они с оркестром ехали из Анталии с гастролей, но ей захотелось посмотреть Сирию, она взяла машину, и вот... пожалуйста, помогите!

Старик улыбнулся.

— У нас в деревне все машины конфискованы или боевиками, или курдами. Могут дать позвонить.

— У меня телефон сломан, а наизусть я ни одного номера не знаю! Ладно, а вы можете поменять колесо? Я заплачу, сколько скажете! Тут недалеко, километра три!

Старик покачал головой.

— Если бы вы пришли до заката солнца, я бы вам помог. Но эта ночь для нашей деревни особая. В эту ночь никто не работает. Переночуйте у нас, а завтра утром сядете на автобус до Дамаска. Если он не придет — такое бывает, — мы починим вашу машину.

Напрасным было сопротивление Веры. Старик остался равнодушен к деньгам и слезам. Если девушка не хочет ждать — она может пойти пешком через перевал, но в пустыне бродят дикие кошки и шакалы... Вере пришлось остаться. Отказавшись от ужина, она тяжело опустилась на продавленный топчан и снова заплакала.

До чего же гнусная у нее жизнь! С детства она играла по шесть часов в день, так, что на гриф брызгала из мозолей прозрачная сукровица. Но Вера сжимала зубы и играла еще фанатичней, лишь бы вырваться из панельной двушки, где воняло борщом и сосисками, где кровати упирались в потолок, потому что в семье восемь детей, а мать с треугольным животом, перетянутым сальным фартуком, вечно торчала у плиты, сгорбив спину и опустив голову, как старая больная лошадь... Прочь из этого мира в мир дорогих машин, цветов, любовников, денег — все то, что другим принадлежало по праву рождения, она вырвет у судьбы! Ну вот, она вырвала — стала известной, но счастлива ли она? Денег нет по-прежнему, а любимый мужчина, ее дирижер, король и бог, переспал с другой и, если завтра она опоздает, заменит ее новой первой скрипкой (которая, в отличие от нее, все проглотит, лишь бы взойти на олимп) и еще потребует, издеваясь, заплатить неустойку! Боже! Боже!! Несдержанность, глупая эмоциональность, ревность погубили ее... Она чувствовала, как судорогой стиснуло горло, и едва сдерживалась, чтобы не закричать. Луна заглядывала в темную впадину окна, и от ее бледного, болезненного света ночь казалась еще тоскливее и тягостнее. Вера встала с бугристого топчана и вышла во двор.

— Почему вы не хотите заработать? — в слезах спросила она у старика. — Вы пережили войну, вам нужны деньги, разве нет?

— Милая девушка, не плачьте, но ночь на двадцать второе августа для нас святая. Она — ночь памяти.

— Памяти о погибших на войне?

— Нет. Памяти о человеческой глупости.

— Это какая-то история?

— Вам вряд ли будет интересно.

Вера осторожно села на скамейку.

— Расскажите, пожалуйста. Я тоже сделала глупость, поэтому я здесь. Может быть, другая глупость будет еще хуже, и это меня утешит.

Старик испытующе взглянул ей в лицо, словно желая удостовериться, достаточно ли честно ее любопытство. Но глаза Веры глядели грустно и удивленно, и старику стало неловко. Он вынес для гостыи из дома кувшин воды, оливок, немного козьего сыра и на плохом английском рассказал ей странную, удивительную историю, в исторической достоверности которой, впрочем, можно усомниться.

Когда-то на месте этой деревушки шумел богатый ассирийский город, издавна здесь и во всех близлежащих городах жили христиане. День и ночь со скалистых гор спускались к морю караваны мулов, груженных коврами, медью, серебром и растительным маслом. Уходили из порта корабли в соседний Вавилон, Египет, Рим, Палестину и возвращались с полными трюмами золота. Сотни лет безмятежно жил город, утопая в раскидистых жасминовых и розовых садах, через которые текла вода по шумным каналам, отчего даже в самый знойный летний день здесь было прохладно. Но однажды на город напали сельджуки, разграбили дома и угнали мужчин в рабство, а через несколько лет власть у них отбили египетские Фатимиды, и снова началась война. Город переходил то к сельджукам, то к египтянам, то к сунитам или шиитам, и на улицах, некогда благоухающих от роз и жасмина, теперь воцарился хаос и плач. И тогда, прослышав о богатейших землях, ослабленных гражданскими войнами, в город вторглась армия крестоносцев.

Три дня и три ночи длилась битва. Лязг мечей, крики раненых, ржание коней и стоны слышны были даже за Галилейским озером и горным хребтом Антилливада. Море вдоль побережья сделалось пурпурным от крови, над трупами распластались когтистые стервятники, и небо казалось черным. На исходе дня победу одержали крестоносцы. А на рассвете в узкую скалистую бухту вошел одинокий корабль.

На палубе его стояла девушка в восточных одеждах. Никто из жителей не знал, кто она и откуда; и позже, вспоминая о ней, никто не мог описать, как она выглядела: облик ее постоянно менялся, как отражение в воде, и всем казалось: они где-то видели ее или откуда-то знают. Одни говорили: она дочь плотника из Иерусалима или Кафернаума, другие утверждали, что ее отец могущественный византийский император, но ни та, ни другая сторона не могли с точностью утверждать свою правоту и сходились только в имени — иноземку звали Еленой.

Сойдя на берег, Елена поразила окровавленными телами, усеявшим побережье, и, отпустив слуг, бродила между погибшими, чутко прислушиваясь: не раздастся ли вздох, не нужна ли помощь? Незаметно наступил вечер, на небе рассыпались ледяные крошки звезд; ломоть месяца, совсем золотой, заблестел сквозь листву деревьев на очистившемся, тонком и хрупком небе, и из-под камней раздался жалобный стон — то очнулся от глубокого обморока один из сирийских воинов, очень юный, совсем еще мальчик. Елена сорвала с себя покрывало, разорвала его на длинные полосы и перевязала ему раны. Но повязки не помогли, и воин умирал. Видя, что врачевание бесполезно, Елена воскликнула: «Что я могу для тебя сделать, чтобы облегчить муки?»

И воин признался, робея, что ни разу за всю жизнь не познал он женщину. И сейчас, отходя в беспросветный мрак, он умоляет унести с собой единственное утешение. Не думая ни мгновения, Елена сняла одежды и отдалась умирающему.

Через час воин умер. Елена похоронила его в пещере. Встала лицом к востоку и принесла Богу клятву: отныне она даст утешение каждому, кто будет нуждаться в ней. Ибо все, чем она владеет, будет служить людям.

С тех пор каждый вечер Елена бродила между рыбацкими хижинами и лачугами пахарей, заходила в трущобы прокаженных, приходила к обездоленным, к отверженным, к отчаявшимся — ко всем, ни разу не познавшим женщину, ко всем, забывшим радость жизни. До рассвета она не знала покоя, и веки у нее голубели от усталости. Но наутро рыбак возвращался с сетями, полными рыбы, плуг пахаря находил почву, мальчик-сирота встречал родителей, а раненый воин исцелялся. Город отстраивался, поднимался из пепла и руин, богател; и, как и прежде, спускались к морю караваны мулов, а корабли уходили в соседние земли и возвращались с полными трюмами золота. И вскоре в городе не осталось ни одного нищего. Мужчины были веселы и довольны, чего нельзя было сказать о женах.

Когда наш Творец создавал женщин, он, залюбовавшись, явно в чем-то ошибся. Женщина ради любимого может предать семью, пойти на эшафот или на костер, но если она заболит ревностью, ни секунды не думая, убьет того, ради кого пожертвовала всем. Городские женщины глаза готовы были выколоть Елене, когда вспоминали, что в прошлом она была близка с их мужьями. Сбивались женщины в разноцветные кучки и шептались. Много шептались.

И по городу начали расплзаться слухи. Елена блудница! Какой позор держать ее в городе! Слухи, сперва робкие, не встречая сопротивления, понемногу обрастали скабрзными подробностями, прыгали из дома в дом, из сада в сад, от одной женщины к другой, и наконец грянула буря. Толпа женщин пришла ко дворцу наместника с требованием распять Елену. Наместник разгневался и прогнал их к мужьям. Но женщины не успокоились. Они вернулись домой, стали рвать на себе волосы и кричать мужьям: «Она грешница! Она не чтит наших законов! Какой пример для наших дочерей!» День и ночь плакали женщины, говорили: «Вот и твоя дочь станет такой же»; другие кричали и в ревности царапали себе лицо на глазах у детей. Город погрузился в хаос. И на пятый день мужчины сдались.

Тем же вечером Елену схватили. Женщины сорвали с нее одежду, избили и поволокли к наместнику. Они кричали: «Распни ее! Распни! Пусть ответит за грехи! Вот мы привели наших мужей, они согласны!» Увидев перед дворцом весь город, наместник дрогнул и согласился. Женщины накинули на Елену аркан и потащили в горы. Камни царапали ее голые ноги, ветви хлестали по лицу, на изрезанное плетью кровоточащее тело садились оводы. Елена падала. Ее били ногами и палками, плевали в лицо и тащили за волосы наверх.

Поднявшись на гору, жены заставили мужей разрубить растущую на скале шелковицу на крест. Когда крест был готов, привязали к нему Елену и установили на горе. Но этого толпе показалось мало. «Камнями ее!» — кричали женщины и схватили камни. И дали мужьям, дабы и они бросали.

Первый камень со свистом прорезал воздух и ударился о лоб Елены. В середине лба, словно родинка, зачернела крошечная дырочка; пульсируя, густая кровь закапала на грудь. Толпа возликовала. Полетел второй камень и с хрустом выбил Елене зубы. Третий попал в глаз, четвертый и пятый пробили череп, превратив прекрасные золотые волосы в багровую кашу. Толпа озверела от крови. Теперь бросали уже и женщины, и мужчины, и даже дети. И тогда, задыхаясь от боли, она подняла безо-

браженное лицо к темнеющему небу, где дрожала золотая слеза звезды, и прошептала: «Боже, не мсти им, они не ведают, что творят».

Наутро несколько мужчин поднялись на гору, чтобы похоронить Елену, но не нашли ни Елены, ни креста — словно их и не было.

И вот уже тысячу лет народ Сирии не знает покоя. Власть переходит то к курдам, то к туркам, то к арабам. Войны измотали нас. И поделом нам, поделом... — старик горестно раскачивался, закрыв сморщенное лицо руками. Но мы верим, что Бог простит. Сколько мы выстрадали... И в эту ночь мы скорбим и молимся... Пошли нам, Господи, утешение...

Долго сидел старик, раскачиваясь взад и вперед; когда же он отвел руки от лица — Веры за столом не было.

Ночь медленно истаявала. По каменному двору протянулись длинные тени, а листья платана окрасились бледным сиреневым цветом. Купол неба был белым от не взошедшего еще солнца, но уже робко сочились из-за скалистых гор румяные полосы. Старик разбудил внука — не видел ли он Веры? Нет, не видел — отвечал мальчик, и старик забеспокоился: где эта странная русская?

Вера быстро поднималась в гору. Ремешки от босоножек лопнули, она скинула их и шла босиком по острым камням, сдирая волдыри, но не ощущая боли, подгоняемая каким-то странным, нервным чувством. Рассказ старика, который она уже где-то слышала, взволновал ее, и впервые ей захотелось, захотелось страстно, до обморока — просто так заиграть для людей на скрипке. Не за деньги, а как дар, в котором она, как ни странно, нуждалась даже больше, чем они.

Потому что рвущимся наружу чувствам нужен выход.

Она взобралась на гору. Отсюда была хорошо видна приютившая ее деревня и другие деревни за ней. Вдалеке, за молочной дымкой тумана, вилась дорога на Дамаск. Вера отвернулась от дороги, достала из футляра скрипку, настроила ее, закрыла глаза и взмахнула смычком.

Медовым, нежным меццо запела скрипка. Сладко задрожал палец на серебряном лезвии струны. Одиноким бархатный голос обрастал пассажирами; он то взмывал вверх, то опадал вниз, подобно разгорающейся струе фонтана. Голос упрямо рос, как растет, цепляясь за трещины, вьюнок на обломках здания, и, дойдя до высокой точки, до схватки фортиссимо, надломился и рассыпался пеной алмазных брызг. И, сверкая золоченой ярью, полетела над разоренными деревнями, над брошенными танками и грузовиками, под которыми гнили солдаты, ионически стройная, грациозно игривая, скорбная и сладкая мелодия, имя которой — жизнь.

Из домов торопливо выходили изумленные люди. Выпрямлял спину рыбак. Улыбалась уставшая женщина. Смеялись дети. Обгоняя друг друга, бежали люди на деревенскую площадь и вскоре заполнили ее так плотно, что приходящим из других деревень приходилось залезать на деревья и крыши домов. Затаив дыхание, смотрела толпа на маленькую фигурку в джинсах и белой курточке, стоящую на той горе, где сотни лет назад распяли Елену, и с каким-то изумленным восторгом, с облегчением плакали люди, и, подобно теплему ключу на дне холодного озера, пробивалась у них надежда, что все образуется. Отстроятся деревни, вернуться пропавшие без вести, наладится бизнес. И подобно мажорному аккорду, выплыл из-за горы, за спиной Веры, розовый, сверкающий позолотой утренний, ослепительно-яркий шар солнца.

И пока Вера играла, облик ее менялся. И людям казалось: они уже видели ее где-то и хорошо знают, и это было так прекрасно, что невозможно описать словами. И Вера знала: ее прошлая жизнь закончилась. Здесь, на этой горе, начинается новая, неизведанная жизнь. Жизнь, в которой каждый день будет труднее предыдущего. Жизнь, которая наконец обрела для нее смысл.